

Герман Мелихов*

МИРОПРОЕКТ И ЭФФЕКТЫ ПРИСУТСТВИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Л. Бинсвангер, Х. У. Гумбрехт и В. В. Бибихин

Аннотация: В данном эссе с опорой на концептуальные разработки Л. Бинсвангера предлагается дескрипция «миропроекта» как экзистенциальной априорной структуры, формирующей горизонт возможного для субъекта. Автор утверждает, что фундаментом миропоекта является «положение» — совокупность устойчивых моделей поведения, ролей и убеждений, определяющих восприятие мира. Особое внимание уделяется феномену «сепарации» — внезапному расширению горизонта возможного для индивида за счет включения в него «избытка», не предусмотренного исходной структурой миропоекта. Философствование рассматривается как процесс, способный инициировать такую сепарацию, приводящую к возникновению пограничного состояния, при котором привычный миропоект утрачивает свою необходимость, открывая пространство для иного взгляда и нового субъекта философствования («присутствие»). Опираясь на ряд философских идей Х. У. Гумбрехта (эффекты присутствия) и В. В. Бибихина (оптимальное положение, амехания), автор выделяет несколько эффектов присутствия: чувство участливости; оптимальное положение (баланс между комфортом и эффективностью, связанный с дружбой и единством противоположностей); подъем (моральное возвышение и доверие к сердцу); феномен мысли-факта (неожиданная, конкретная мысль, вторгающаяся и трансформирующая восприятие); а также примат философа над философским учением, подчеркивающий значимость непосредственного опыта и переживания в философствовании. В заключение делается вывод о том, что философствование следует осмысливать не столько как процесс продуцирования теорий, сколько как практику, способную трансформировать субъективное положение человека и расширить границы его мира, что становится возможным в пограничной ситуации встречи с иным («избытком»).

Ключевые слова: положение, миропоект, сепарация, присутствие, эффекты присутствия, Бинсвангер, Гумбрехт, Бибихин.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-283-303.

Повседневное существование индивида детерминировано его «положением» — совокупностью моделей поведения, социальных, профессио-

*Мелихов Герман Владимирович, д. филос. н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), german.melikhov@kpfu.ru, ORCID: 0000-0003-4471-4841.

**© Мелихов, Г. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики. Эссе представляет собой доработанный доклад, прочитанный 27 июня 2025 г. на VI Бибихинских чтениях (27–28.06.2025, Москва, НИУ ВШЭ).

нальных и личных ролей, а также «поддерживающих» их убеждений, формирующих устойчивые паттерны поведения и мышления. Эти паттерны, в свою очередь, воплощаются в телесности и определяют воспринимаемый горизонт возможного. В эссе предпринимается попытка концептуализировать эту структуру через термин «миропроект», восходящий к экзистенциальному анализу Людвиг Бинсвангера. Миропроект понимается как трансцендентальная схема, предвосхищающая и ограничивающая способы взаимодействия субъекта с миром. Поскольку индивид «включен» в миропроект, посредством него он «воспринимает», от его имени «говорит», концептуализация миропрокта принимает форму дескрипции — описания занимаемых «положений» и особенностей их реализации в жизни, в частности столкновений индивида с тем, что он воспринимает как иное и невозможное для себя. Центральным предметом обсуждения выступает феномен «сепарации» — критического момента, когда миропроект подвергается воздействию «извне», что иногда приводит к его расширению и трансформации. Это событие интерпретируется как «присутствие» (в терминологии Х. У. Гумбрехта), особый способ бытия, созерцательно-доверительный, бдительно-смиранный, дружески-открытый, но с акцентом на его экзистенциально-преобразующем потенциале. Цель эссе — выделить и описать ряд устойчивых эффектов, порождаемых сепарацией, которые указывают на смену субъекта философствования и отсылают к пониманию философии как философской практики.

Сначала будет введено представление о миропроекте, затем предлагается обсудить ряд «эффектов присутствия», косвенно свидетельствующих о случившейся сепарации.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ АПРИОРИ: ПОЛОЖЕНИЕ И МИРОПРОЕКТ

У всех есть «положение». Плохо или хорошо, мы играем свои роли. Успешного преподавателя, прекрасного ученого, заметного студента. У кого-то есть еще и репутация мастера своего дела. Про него уважительно говорят: «В этой ситуации он не мог поступить иначе — положение обязывает». Мастера отличают принципы, характеризующие его отношение к делу. И не только к нему. Кант в «Антропологии» назвал бы эти устои «характером», который создается в образе мыслей (Кант, Левина, 1994а: 327–328). У нас есть *убеждения*, они определяют то, что происходит, а также не происходит. Что-то мы не увидим, пройдем мимо, что-то будем делать хорошо, что-то мы никогда не сделаем. Наше «положение» задает разные, но структурно схожие ситуации. Далее —

наше тело. Из дня в день выполняемая работа, ежедневно разыгрываемые роли бременем ложатся на тело, оставляя на нем несводимые следы. Оглядимся вокруг. Тело помнит множество «положений». Посмотрим на руки автомобильного мастера и на свои собственные. Руки, позы, выражение и цвет лица, формы тела — все это рассказывает о том, как мы живем и что делаем. Наконец, есть еще «ситуация». «На твоём месте, — резонно замечает кто-то, — я бы ничего не предпринимал. Такова ситуация». Текущая ситуация гнетет или радует, побуждая принимать решения. Итак, наше «положение» указывает на вовлеченность в отношения: производственные, дружеские, партнерские, академические, финансовые, — самые разные, где мы находим себя и действуем, в разных ситуациях более или менее *одинаковым образом*, полагаясь на присвоенные и освоенные устои. Одним словом, Я есть мой *способ существования*. Тот тип взаимодействий, который определяет все, что смогу и захочу сделать, что увижу, что услышу, а что пропущу мимо ушей. Вместо хайдеггеровского бытия-в-мире можно предложить использовать термин «миропроект» (Бинсвангер, Римский (ред.), 2017: 8), позволяющий сместить внимание с анализа универсальной структуры бытия к способу существования конкретного человека. Философствующий врач Людвиг Бинсвангер решал клинические задачи. Он имел дело с конкретными людьми, в жизни которых устойчиво воспроизводились одни и те же «положения», «паттерны поведения», источники затруднений. Кто-то ищет порядка во всем, кто-то настойчиво его избегает. Для кого-то жизнь представляется непрерывной и ровно текущей рекой — тогда неудача сшибает с ног и надолго выводит из строя. Будучи проекцией универсальной структуры заботы о себе (Бинсвангер был хайдеггерианцем), «паттерны поведения» индивидуальны, то есть, во-первых, вычерчивают траекторию личной истории человека. Понять человека означает понять его мир. Якоб Нидлман, исследователь творчества Бинсвангера, назвал индивидуальную проекцию универсальных форм в жизнь конкретного человека «экзистенциальным априори» (Нидлман, Сурпина, 1999: 31–36). Во-вторых, «паттерны поведения» указывают не только на наше настоящее, но и на будущее: в нем я уже оказался, даже не желая того. Словом, для Бинсвангера миропроект — *трансценденталия*, очерчивающая горизонт возможного для индивида. Мы смотрим на мир как бы глазами нашего миропроекта, того способа существования, которому принадлежим. Мы еще ничего не сделали, но «дело», заложенное в наш способ существования, уже проявилось как возможность, ею мы непременно воспользуемся. Чисто теоретически,

выбор есть. В реальности экзистенциальное априори миропроекта и есть наша «судьба», определенное «положение в мире», которое и *проживает* нашу жизнь. Любителям детективов известен набивший оскомину, но исправно работающий прием: там, где появляется детектив, обязательно случается преступление.

Там, где появляемся мы, непременно тоже что-то случается. Чаще всего одно и то же. Все повторяется. Меняется только конфигурация элементов. Надо сказать, не так уж это и плохо, главное, чтобы эффект был и было удовлетворение от содеянного. Есть программа, у нее есть исходный код. Поставленные цели достигаются, возникшие проблемы решаются. Входить в режим разработчика и вносить исправления нет нужды, все работает как надо.

Таким образом, понятие «миропроект» обозначает индивидуальный способ «бытия-в-мире», который, будучи проекцией универсальной структуры заботы, уникален для каждого человека. Эту априорную индивидуально-структурную проекцию можно определить как дорефлективную рамку, определяющую, что может быть воспринято, понято и осуществлено данным индивидом. В этом смысле миропроект функционирует как «судьба». Задавая повторяющиеся паттерны существования, он уже сейчас, в настоящем, «забрасывает» нас в будущее, предвосхищая его в «проектах», которых нам не избежать.

РАСШИРЕНИЕ ГОРИЗОНТА: СЕПАРАЦИЯ И ПРИСУТСТВИЕ

Если мы предопределены в своих действиях и переживаниях структурой миропроекта, самое интересное — невозможное. То, что не прописано в исходном коде. Заглянуть «за» миропроект, когда он «работает», невероятно трудно, практически невозможно. Часто нет и желания — увидеть хотя бы краешек исходного кода. Но случается немислимое — открывается часть исходного кода, происходит незапланированная смена положения. «Наш мир» по какой-то неведомой причине как бы расширяется, включая в себя то, что ранее исключалось. Находится место для избыточного, незапрограммированного, не необходимого. И даже для того, что не прописано в исходном коде. Трудно в это поверить, жизнь чаще подтверждает обратное. Но для философии это не новость. Лев Шестов искал в философии не учение, а философа, устремленного к невозможному. Невозможное для философа возможно для Бога. Ему и нужно оставаться верным. В лекциях о Пармениде Хайдеггер утверждал, что бытие открывается внезапно, в прыжке (Хайдеггер, Шурбелев, 2009: 323), когда философа что-то подхватывает и бросает

в без-основное. И нет никаких перемычек, мостов и цепочек размышлений, смыкающих сущее и бытие. Бытие событийно. Время — наше спасение. Все, что имеем, — не навсегда. Куда бы мы ни шли, как бы мы не стремились отвертеться, бытие уже нашло нас. Стóбит не столько вернуться, сколько развернуться к бытию. С Хайдеггером соглашался и Владимир Бибахин. «Другое начало» не просто возможно, оно уже состоялось, надо дать ему шанс явить себя, вглядываясь в настоящее.

Я имею дело не с миллионами километров и веками, а только вот с этим минутным своего настроения, только с данностью минутного откровения, или сна, или внушения [...]. Кому-то покажется мало иметь дело только со своим минутным настроением, он захочет иметь более крупный план. Я этого не захочу, не потому что свое минутное ценю так высоко, а потому что у меня ничего другого по-настоящему просто нет в моем имуществе и мне не с руки брать чужое. [...] Я вижу надежность в том, что для другого начала забота об охвате, о развертывании не обязательная, как и забота о тиражах. Не важно, кто или что сильнее и громче. Не обязательно иметь влияние. Как размноживание уводит от сути дела, так и всякое распространение, включая преподавание, воспитание. И конечно между прочим обучение другому началу необязательно. Оно тоже его закрывает, уводя от единственности настоящего (Бибахин, 2003: 346).

Философствование что-то *делает* с нами. Разворачивает, не дает от-даться забвению, открывает невозможному — *другому* для собственного исходного кода. Сложность здесь состоит в том, что сделать это как принято у нас — с сознанием дела и по собственному соизволению (цели, инструменты достижения, способы обработки предметности), — не получится. Дело делается, но не мной. Вместе со мной. Вовлекая меня, но не мной. Как будто происходит *сепарация* — помимо меня появился еще *один*, и я приобрел дополнительную пару глаз, избыточных для моего миропроекта, ими видишь иное, для чего пока нет подходящего инструмента, может, и не будет вовсе. Вероятно, когда-то что-то произошло, все поменялось местами. С тех пор миропроект мы считаем *своим*, тогда как *свое* — избыток. То, где мы есть даже тогда, когда расстались со всем и со всеми. Бог, бытие, сознание, мир избыточны для любого миропроекта. Философствовать можно о чем угодно, но так, чтобы оказаться на границе моего и не моего, чтобы проявился превышающий интенцию избыток, результат невольной вовлеченности во что-то, что всегда обращено к нам и уже с нами, но находится в тени миропроекта. Если философствование что-то производит, то именно это положение

философа, пограничное, когда случается *сепарация*. Философ отделяется от своего миропроекта. Философское учение — не цель. Философ — не дизайнер будущего, не создатель привлекательных и полезных для общества идей. Он хочет остаться с тем, что сепарирует его. Тогда идеи — не единственное, что случается с философом. На эти другие эффекты философствования и хотелось бы обратить внимание.

Теперь можно сказать: «присутствием» называется такое «пограничное положение», при котором наш миропроект за счет внезапного вторжения в него избытка становится для нас не необходимым. Случается сепарация. Он не исчезает, высвобождается место для иного. Как будто происходит замена одного субъекта философствования на другого. Добавляется пара лишних глаз. И теперь не важно, кто философствует, ты или Он. Хотя, конечно, лучше, чтобы Он.

Трудно сказать, какие могут возникнуть здесь мысли у читателя, но в виду имеется Кант. Пусть он будет примером. Одно замечание попутно. *Присутствие* — такое положение, когда философствующий взаимодействует с тем, что реально наличествует, воздействует на нас, — не заметить не получится, хотя дотянуться рукой невозможно. Но это ничего не меняет. Мы *встретились* с чем-то новым для себя. Пусть не новым, тем же самым, но предстающим в ином свете. Это все еще мы, хотя находимся уже *не там*. Здесь все для нас вновь и так же реально.

Все мы время от времени оказываемся в пограничном положении, правда, не всем удастся найти себя в нем. Кант смог это сделать. Отдельные мысли и замечания на этот счет можно найти в разных его работах. О том, что произошедшее он называл революцией во взглядах, мы знаем из его «Антропологии». О содержании этой революции можно судить по его «Заметкам в книге „Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного“». В миропроекте Канта до какого-то момента не было другого человека. Он мнил себя исследователем, это занятие возвышает и делает честь. «Я, — сокрушается Кант, — презирал чернь, ничего не знающую» (Кант, Фохт, 1994b: 372). Мы также знаем: Руссо исправил Канта, благодаря ему он учился уважать людей. Случилась сепарация, открылась *реальность* другого человека. Оказывается, он так же реален, как я сам. Кажется, Левинас поспешил отменить онтологию. Этическое отношение возможно, когда мы имеем дело с *реально* сущим для нас человеком. Сепарация и есть утверждение *реальности* иного бытия. Все происходит буднично и тихо. Никто никого не беспокоит. Значение это имеет только для тебя, ставшего как бы немного больше и сложнее. Никаких вспышек света, погружений в глубину,

ярких переживаний, о которых можно не стесняясь рассказать другим. Кант оказался в пограничном положении: есть он и другой человек, появлялись два дополнительных глаза. В это же время родился философ Кант, который будет размышлять об аффицирующей нас «вещи самой по себе», всегда большей помысленного; о категорическом императиве, выдвигающем требование считаться с другим так же, как мы считаемся с самими собой; о способности суждения, в которой, как бы поверх моих интересов и желаний, свободно проявляется то, что значимо не только для меня.

Итак, «нормальное» функционирование миропроекта характеризуется замкнутостью и самодостаточностью. Однако возможны ситуации, когда его границы нарушаются под воздействием внешнего, «избыточного» элемента, не вписывающегося в существующую схему. Это событие, обозначаемое как «сепарация», влечет за собой «расширение» мира, в который включается ранее невозможное. Такое состояние определяется как «присутствие» — способ бытия в пограничной ситуации, когда миропроект лишается свойства необходимости (для нас), уступая место иному. Указанный способ бытия не является результатом волевого усилия; скорее это то, что случается с субъектом, вовлекая его в процесс, которым он не управляет.

Далее будут обсуждаться «эффекты присутствия», косвенно маркирующие событие сепарации.

«ДРУГИЕ ГЛАЗА»: ЭФФЕКТЫ ПРИСУТСТВИЯ

«Эффектами присутствия» (термин принадлежит Хансу Ульриху Гумбрехту, будем вкладывать в него свой смысл¹) можно назвать «следы», оставляемые сепарацией в сознании, поведении и телесности ин-

¹Предметом анализа Гумбрехта в книге «Производство присутствия» (*Production of Presence: What Meaning Cannot Convey*) был опыт, несводимый к процедурам интерпретации, хотя и оказывающий воздействие на человека. «Эффектами присутствия» обладают культурные объекты, которые воздействуют на человека через телесные реакции и ощущения (как бы поверх механизмов интерпретации), вызывая особые переживания — стойкое ощущение реального «присутствия», почти материальной плотности нахождения «здесь и сейчас». Эти переживания с трудом поддаются рефлексии, их нельзя полностью перевести в «мысль». Пример: Ф. Якоби в момент первого знакомства с «Критикой чистого разума» Канта охватывало необыкновенно сильное волнение, так что он вынужден был надолго прерывать чтение, — настолько то, о чем говорилось в книге, захватывало его. Данное понимание «эффектов присутствия» в целом разделяется мною, хотя используется в другом контексте — в качестве маркеров события сепарации, что несколько суживает область применимости термина.

дивида. Изменяются убеждения. Появляются новые роли или старые проигрываются по-иному. Иначе теперь относятся к происходящему. Даже телесные реакции изменяются. Кто-то, возможно, открывает в себе философа — его собственное бытие становится предметом интенсивных размышлений. Эффекты присутствия как эффекты смены положения высветляют определенный способ существования, они указывают на философа как человека и на человека как философа, здесь все оказывается единым. Выделим несколько таких эффектов, они показались для меня значимыми в настоящий момент. Разумеется, ими дело не исчерпывается.

Начать вновь хочется с Канта. *Первый эффект присутствия — чувство участливости.* В 60-м параграфе «Критики способности суждения» Кант обсуждает предметность гуманитарных наук и заявляет: задача этих наук — формирование культуры обращения с разными душевными силами (Кант, Лосский, 1994с: 198). Культура обращения с душевными силами предполагает движение от себя, своих душевных сил к книге. Мы, представители академической культуры, обычно располагаем себя на иной траектории — от книги к книге. Кант, раскрывая значение термина «гуманность», утверждает, что для него оно означает чувство участливости и искренность в общении.

Гуманность означает, с одной стороны, общее *чувство участливости*, с другой — способность быть глубоко искренним в своем *сообщении* другим о себе: эти свойства в их соединении составляют подобающую человечеству общительность, чем они отличаются от замкнутости животных (там же).

Придумать такое невозможно. «Чувство участливости» для Канта не концепция, не способ интерпретации и не объяснительный принцип, все это вторично относительно того, что с ним произошло. Кант говорит о том, что есть в его опыте. Чувство участливости — свидетельство произошедшей смены субъекта философствования. Скорее всего, здесь стоит говорить не об эмпатии, она ситуативна. Есть люди с большей эмпатией, с меньшей. У Канта, видимо, речь идет о чувстве, рожденном в понимании, пришедшем из сдвига положения. Степень этого чувства может быть большей или меньшей, но оно не определяется ситуацией; оно само определяет ситуацию, ибо исходит из фундаментального допущения, которое выдумать нельзя — другой человек есть. Я могу прожить жизнь в миропроекте, в котором никого, кроме меня, нет. В «Смерти Ивана Ильича» Льва Толстого речь идет о таком миропроекте, который взламывается в пограничном положении перед лицом

неизбежной смерти. Приходит понимание и вместе с ним участливость (Лев Толстой устами Ивана Ильича говорит о жалости) к близким людям, которой герой ранее не знал. Это открытие коренным образом изменило Ивана Ильича, перед смертью он успел понять и сделать действительно нужное. Возможно, самое нужное в его жизни. Не по отношению ко всему человечеству, — к тем, кто находился рядом, до них как раз можно дотянуться рукой, только сил уже не хватило. Но это уже было не важно.

Эффект присутствия второй — оптимальное положение. В записях Биbihина за июль-август 1974 г. (Биbihин, 2022) мы найдем то, что можно назвать «оптимальным положением». Для того чтобы что-то хорошо сделать, необходимо занять правильное положение, которое представляет баланс удобства и эффективности. Для того чтобы увидеть или понять, также требуется оптимальное положение. Для Ивана Ильича смерть оказалась таким положением. Метод тоже представляет собой обеспечение оптимального положения для познающего в отношении познаваемого предмета. Владимир Биbihин обсуждает оптимальное положение в терминах религиозной антропологии. Оптимальное положение — пограничное. Между небом и землей. Божественная истина неколебима, блистательна и как таковая недосыгаема. Но она ничто, если не открывает себя человеку, также обращенному не на себя. Все стоящее мы получаем сверху. «Без низа, — констатирует Биbihин, — не постигается верх, и наоборот, чем выше высота, тем прочнее основа низа» (там же: 241). Для нас монах — тот, кто добровольно отлучен от мира. Мирянин — тот, кто столь же вольно остается в миру. Для Биbihина миропроекты монаха и мирянина возможны только потому, что они со-существуют в неслиянном единстве. Монах обращен к небу, но он не ищет святости самой по себе, ему необходимо обожение своей природы (он ее не отрицает), достижение полноты, стяжание благодати. Но и безблагодатное положение ему хорошо знакомо. Мирянин, напротив, содержание своей жизни обращает к абсолюту. «Легко видеть, — заключает Биbihин, — что в смысле последней цели оба равны. Монах наверху, но его вершина низ, мирянин внизу, но его вершина — верх» (там же). Оптимальное положение — срединное, обращенность сразу на небо и на землю. Монах видит в себе мирянина, мирянин — монаха. Не редукция к части — существу как таковому или бытию, но *парность*. Так говорил об отношении сущего и бытия у Хайдеггера Франсуа Федье в замечательной книге о «голосе друга». Парность не про двух, находящихся рядом, друг против друга, а про *одного*, природа которого —

неслиянное единство двух (Федье, Седакова, 2010: 46–47). Что и есть дружба. Оптимальное положение для монаха и мирянина, для сущего и бытия, явления и идеи, для всего — дружба. Все остается тем, чем является, но также и единым с другим, непохожим. Такая дружба связана даром. Николай Ардаатовский, один из главных персонажей романа Александра Пятигорского «Философия одного переуллка», был одарен этой дружбой, предшествующей реальной встрече. Как будто с самого рождения у него на два глаза было больше. Он

обладал удивительной чертой — между ним и жизнью никогда ничего не стояло, и когда он ее воспринимал, то воспринимал абсолютно буквально... То есть если жизнь была сложной, он воспринимал ее сложно, если она была простой, он воспринимал ее просто, если непонятна, он ее не понимал... Я уверен, что эта черта не может быть не чем иным, как философией и религией вместе, даже если обладатель этой черты об этом не знает. Ибо если между тобой и жизнью не стоит ничего, там есть Бог или Сознание (Пятигорский, 1992: 9).

Исчезновение границ, парадоксально оставляющее все самим собой, и есть Дружба, другое имя бытия. Нике² повезло, для Пятигорского он был персонификацией бытийной силы сознания. Повезло, наверное, еще кому-то из монахов или мирян. Нам же, обычным людям, требуется пройти большой путь, чтобы найти оптимальное положение. Не очень-то удастся не понимать, когда понимать нечего. И понимать то, что действительно заслуживает понимания.

Эффект присутствия третий — подъем. Здесь обратимся к примерам. Они намеренно не книжные и не кинематографические. Кафедра, на которой довелось работать мне, находится на 16-м этаже высотного здания, расположенного к тому же на некотором возвышении. Если вы подниметесь на самый верх, вашему взору откроется извилистое русло реки. С одной стороны, по правую руку от вас, оно будет чуть шире, здесь река берет город приступом, с другой, по левую руку, — уже, там река, овладев городом, рассекает его надвое. Та, что руслом пошире, зовется Волгой. Та, что поуже, носит имя Казанки. Так распорядилась история. Одна река, два имени. Когда мы находимся внизу, нас встречает Волга или Казанка, никогда не обе вместе. С высоты птичьего полета различия не исчезают, тушуются, оказываясь частью чего-то большего. Мы увидели целое? Нет, пока только *одну* реку. Пожалуй,

²Так в романе Пятигорского именуют Николая Ардаатовского в его детские годы.

этого достаточно для того, чтобы сдружить Волгу и Казанку. Подняться чуть выше. Сепарация от миропроекта возможна на подъеме, хотя это не обязательно. В работе 1917 г. «О сущности философии» Макс Шелер говорил о «моральном воспарении» (Шелер, Малинкин, 2020: 97–106) как условия философского познания. Пограничность нашего положения обеспечивает *сердце*. В нем всё содержится, из него всё и выводится. Наше расположение в сердце — оптимальное положение. Потому лучше оказаться в нем ранее остального, этой цели и служит философствование. У всех есть сердце, не все в нем должным образом располагаются. Важнейшая функция сердца — обеспечение отрыва от частного, отдельного, на себя замкнутого. Подъем над собой. Приподнимают чувство участливости и дружба. Называя их «ценностями», философ указывает на «целое» (только здесь оно появляется): ценность есть отношение, включенное в *любое* отношение. Бибахин тоже имеет в виду сердце³. Нужно *довериться* тому, что есть. Оно есть подъем хотя бы потому, что ни на чем не основано. Мы доверяем в каких-то самых важных для нас вопросах не потому, что для этого есть основания, только потому, что любим или дружим, или не зная почему. В «Чтениях по философии» Бибахин пишет: «дело философии *оставить все как есть*, оставить вещи, в том числе и вещь человеческого существа, самим себе, „автомату“» (Бибахин, 2009: 75–76). Отключение механизмов, работающих в нас и за нас, обеспечивающих производство желаний, планов, снов и мыслей, нашего миропроекта, не обеспечивается мной. Я сам ни за что не сделаю этого. Амехания — всё то, что делаю не я, остающийся неподвижным, решившийся на невероятно трудную работу позволения вершиться чему-то без моего вмешательства. Амехания — способ тематизации вторжения избытка в наш миропроект. Предполагаю, бибахинская амехания, отрывающая нас от самих себя, основана на ценности доверия, если говорить о ней в терминах философии Шелера, и на смирении, если перевести ее на язык религиозной аскетики. Амехания вместо лифта. Возможно, Шелер бы сказал, что амехания —

³Концепции сердца, наподобие шелеровской, у Бибахина нет, но имеет в виду он схожее. Вот, например, запись Бибахина от 1 января 1978 г., в которой он пишет о том, с чем Шелер, скорее всего, согласился бы: «На чем единственно могла бы стоять личность — это на откровении, благодати, опыте истины, опыте „всеобщей тайны“ [...] — не „стоять на“ этом, а быть *тем же*, что это, — как бы загустевшим и определившимся светом. В загустении невидимого и берется на себя ответственность, и возникает самоотчетность, не в активном смысле слова, как бы он сам себя оправдывает, а в пассивном, как бы его оправдывают, и в буквальном, то есть как очищение от вины» (Бибахин, 2022: 371–372).

проявление работы открытого «центра всех актов», сердца. Доверие и смирение — верные спутники участливости и дружбы.

Эффект присутствия четвертый — феномен или мысль-факт. Еще один пример. Здание, в котором расположена наша кафедра, спроектировано и построено в семидесятые годы XX в., и в часы пик, в перерывах между занятиями, не справляется с большим наплывом студентов — подняться наверх и спуститься вниз на лифте сложно. Представим такую картину. Битком набитый лифт спускается вниз, где-то на пятом этаже двери открываются, и еще пара студентов настойчиво пробует найти для себя место в переполненном лифте. Кому-то это даже удается. Вопрос — *зачем?* Рядом, в десяти шагах, расположена лестница. Не проще ли спуститься по ней, это сэкономит время и не создаст дополнительные трудности для тех, кто уже находится в лифте? Хорошая компания, привычка, лень, плюс обязательно еще что-то, но чаще всего вот это — «Мне и в голову не пришло». Замечательно, что для нас есть такое оправдание. Мы понимаем: мысль подобна гостю. Открываем дверь и на пороге встречаем долгожданного друга. Все остается прежним, и все меняется. Скопление людей, лифты, разговоры — все остается на месте. Ты смотришь на это иначе, как будто сошла застилающая видение пелена. Ничего не приходит и не уходит, все остается тем, что есть — *Одним.* Появился Друг, с которым мы встречаемся до того, как найдем друзей по жизни. Оказывается, есть не только ты, твои привычки и заботы, твои друзья, но и те, кто находится в лифте, знакомые и знакомые, и ты почему-то оказался «на их месте». Потому и пошел прочь от лифта. Произошла смена субъекта, нашлось оптимальное положение. Не для тебя, для проявления иного. Трудно сказать, как это происходит. Но вот мысль, неожиданно пришедшая в голову, побудившая остановиться и изменить направление движения, — в нее, пожалуй, стоит всмотреться. Она особая. Напористая, вторгается без спроса и находит себе место «между» мной и тем, чем я занят, игнорируя привычное «положение». С ней встречаешься как с другом или сторонись как непрошенного гостя, но поделаться ничего не можешь. Лучшее в ней — она не выдумана мной, имеет характер «непреложного факта». Приходится с ней считаться. Что-то действительно произошло или происходит, на что и указывает мысль-факт. У мысли этой есть еще одна особенность — она максимально конкретна, говорит от имени оказавшегося на границе своего миропрокта, с чем встречаешься здесь и сейчас. Без разницы — значительное это, нечто «большое», влиятельное или незначительное, «малое», самое обыденное. У порога нас

уже ждут. Именно о такого рода мыслях, кажется, и говорил Вальтер Беньямин: «Порядок жизни в данный момент куда больше подвержен власти фактов, а не убеждений. И причем таких фактов, которые почти никогда и нигде еще не становились основанием для убеждений» (Беньямин, Болдырев и Снежинская, 2021: 12). Мысль-факт, пожалуй, — то, что мы заслуживаем. Она дар, даже если встречаем ее неохотно, как непрошеного гостя. В ней явлено то, что нужно хотя бы потому, что она гость для нашего миропроекта. Ей тесно в рефлексии, ее не вызвать редукцией — усилием перераспределения внимания с объектов внешнего мира на их смыслы. Не помогает. Сначала мы сталкиваемся с мыслью, радушно встречаем гостей, соображая, что со всем этим делать, чем угощать, где расположить. Мы уступаем мысли место как тому, что уже случилось, не считаясь со своими нуждами. Амехания и есть контрредукция, не сознательное ограничение себя определенным регионом смысла, но «расширение», оставление себя с тем, что происходит, принятие имеющегося, освобождение пространства для того, что не делается мною. Редукция необходима, я обязательно буду расспрашивать гостей, что там у них, как дела, но прежде я открываю дверь, отхожу в сторону и пропускаю нежданного гостя. Амехания — не бездействие, допущение воздействия на себя мысли-факта. Допущение сепарации от своих нужд. Жизненное пространство, по словам Бибикина, «не должно быть загромождено человеческими поделками; оно должно быть просто вольным пространством для дыхания, недоумения, изумления, восторга, терпения, ожидания, раздумья — воздухом души» (Бибикин, 2022: 242). Сепарация осуществляется как амехания. Освобождение пространства для дыхания. Этим воздухом души и наполнены мысли-факты, приходящие к нам как гости. И это, конечно, беда. Масштабировать амеханистичную сепарацию вряд ли возможно. Но и притеснять никого нет надобности, достаточно и того, что *есть*. Внимание к тому, что *есть* (в частности, и к этому: вот одна мысль, вот чувство, а это волевой импульс и т. д., то есть к собственной жизни в моих привычных отношениях и реакциях, — все это требует работы расшифровки в готовности встречи нежданного гостя), — единственное, с чем *может* иметь дело философствующий как со своим «предметом» (но не с мыслью-фактом и сопровождающей их сепарацией). Задача здесь стоит не менее сложная, чем объяснения действия «механизмов» и попытки прописать «переходы» из одного состояния в другое, — пробовать остаться открытым мысли-факту.

Эффект присутствия пятый — на первом плане философ, не философское учение. Немецко-американский философствующий филолог Ханс Ульрих Гумбрехт известен у нас как автор книги «Производство присутствия: чего не может передать значение». Максимально кратко и в контексте обсуждаемой проблематики изложу общее направление его мысли. Итальянский философ Джанни Ваттимо жалуется со страниц книги Гумбрехта: мир превратился «в такое место, где нет больше фактов, а только одни интерпретации» (Гумбрехт, Зенкин, 2024: 63). Гостей никто не ждет. Все стремятся масштабировать свой миропроjekt. С ним соглашается Жан-Люк Нанси: «В какой-то момент начинаешь уже злиться... на это множество речей и текстов, единственной заботой которых является создать еще немного смысла, заново переделать или усовершенствовать какие-нибудь тонкие конструкции значения» (там же: 65). Примерно в одно время с книгой Гумбрехта, годом позже, в 2005 г., там же в Америке вышло небольшое эссе Гарри Франкфурта «К вопросу о брехне» (Франкфурт, Ослон, 2008). Франкфурт, как бы продолжая мысль Ваттимо и Нанси, говорит: наше время не только отмечено избытием речей и смыслов, где каждый норовит внести свой вклад. Это прекрасное время для брехуна. Брехун — мастер создания иллюзий, его не интересует вклад. Интерпретация (опознание и присвоение смыслов) — его основной инструмент. Он всюду и нигде. Быстр, словоохотлив и успешен. Он протискивается в лифт, нередко зная о существовании лестницы рядом. Он решает свои задачи — верный слуга своего миропроекта, в котором нет места истине и другому. «Культуре значений», где избылируют интерпретации, где брехун чувствует себя как рыба в воде, Гумбрехт противопоставляет «культуру присутствия». Культура модерна ориентирована на восприятие мира через систему абстрактных сущностей, которые формируют достаточно общую, универсальную картину мира. В ней опыту отдельного человека отведено незавидное место «прихотливого», «случайного», ему не стоит доверять. Почти в духе ранней шелеровской феноменологии Гумбрехт провозглашает ценность личного участия, непосредственного контакта. Вещь имеет большее значение, чем знак. До «присутствующего» всегда можно дотронуться рукой, «оно может оказывать непосредственное воздействие на тело» (Гумбрехт, Зенкин, 2024: 10). Мы снова учимся доверять своему восприятию, видеть вещи такими, какие они есть. «Конструктивистскому головокружению» Гумбрехт противопоставляет созерцательное отношение совершенно в духе Библихина. Оптимальное положение формирует созерцателя. Неспешный процесс возникновения

и исчезновения форм, как бы протекающий через нас, погружает в то «спокойствие, когда отдаешься движению вещей, и, может быть, вы перестанете задаваться вопросом, что именно значат эти вещи, ибо они, кажется, просто присутствуют и полны значения. Может быть, вы даже заметите, как, начав неспешно следить за возникновением вещей, вы сами становитесь их частью» (Гумбрехт, Зенкин, 2024: 150). Не буду излагать другие идеи Гумбрехта, хотя они, на мой взгляд, заслуживают внимания. Кстати, свою позицию он видел как пограничную — колебание между значением и присутствием. Для Гумбрехта здесь особо ценен эстетический опыт.

В заключение я бы хотел сказать о другом. Позиция Гумбрехта интересна тем, что это позиция академически вышколенного ученого, пришедшего к ней в ходе своих научных изысканий, она возвращает в те времена, когда философ для философствования значил так же много, как и создаваемое им учение. Философствование не ограничивалось созданием концепций. Философ держал себя открытым для Друга. Того, который требует оставаться одним и тем же при любых обстоятельствах, но всегда в стремлении выйти за пределы своего миропроекта. Полагаю, это было важно и для Бибихина. Собственному учению доверия нет, только Другу. С ним у нас есть шанс заглянуть в свой миропроект и даже за его пределы. Но это уж как кому повезет.

В заключение необходимо сказать следующее. Теоретическая конструкция, концепция привычно выставляется ключевым элементом философствования. Она — итог, плодотворное завершение многолетней кропотливой работы. Философская концепция — объективированный факт, ее выносят на обсуждение, разбирают, критикуют, пробуют применять в своем опыте мысли. Однако «результат» философствования иногда не столь очевиден для многих, хотя также является «фактом», с которым приходится иметь дело прежде всего *самому* философствующему. Ядро философствования может составлять экзистенциальная трансформация, инициируемая событием сепарации от собственного миропроекта. Французский историк философии, специалист по античной философии Пьер Адо утверждает:

...история «философии» не совпадает с историей философий, если подразумевать под «философиями» теоретические дискурсы и философские системы. Помимо истории этих дискурсов и систем, возможно исследование философского отношения к действительности и соответствующего образа жизни (Адо, Гайдамака, 1999: 16).

Философствование рождается из «первичного экзистенциального предпочтения» (Адо, Гайдамака, 1999: 18), но также позволяет всматриваться в него (как в свой миропроjekt), осмыслять и корректировать — или побуждать жить далее в соответствии с ним. И для самого философствующего, и для тех, кто оказался вовлечен в философский диалог, выступает в качестве слушателя, читателя, собеседника, философствование открывает «возможность внутреннего преобразования» (там же: 21). Еще раньше, в 1950-е гг. Эрнст Юнгер, мыслитель другого интеллектуального склада, говорил о том же самом: философствование сродни (само)терапии (Михайловский, 2026: 81). В эссе «Через линию» он обсуждает превозмогание нигилизма, которым охвачено европейское человечество. Невольно им захвачен каждый человек. Потому и должно пытаться найти выход, «пересечь линию». Юнгера интересует момент преобразования, когда открывается иная перспектива, прежде (изнутри наличного миропроекта) казавшаяся невозможной. «Момент пересечения линии чреват новым поворотом бытия, и в нем начнет просвечивать то, что есть на самом деле» (Юнгер, Михайловский, 2026: 47). Происходит сепарация, собственный миропроjekt становится видимым, открывается доступ к экзистенциальным предпочтениям, значимым на данный момент. Момент пересечения линии, сепарация, маркируемые указанными (а также иными) «эффектами присутствия», выступают предметом «философской практики». Таким образом, философская практика — один из способов радикализации философствования вплоть до выставления себя в положение, когда становятся возможны сепарация, момент пересечения линии, границы наличного и иного.

Философскую практику в указанном смысле следует отличать от философского консультирования как *институционализированной* философской практики. Проект философского консультирования — оказание психологической и иной помощи, осуществляемой средствами философствования⁴, — основан на предположении: философствование может

⁴Философское консультирование (*philosophical counseling / philosophical practice*) — направление практической философии, призванное помогать людям в осмыслении их жизненных трудностей, мировоззренческих проблем и экзистенциальных вопросов средствами философской рефлексии. Основано немецким философом Гердом Ахенбахом, который открыл первую философскую практику в 1981 г. и основал Международное общество философской практики (IGPP). Консультант работает с человеком не как с больным, чьи проблемы выявляются средствами психопатологии, но как с мыслящим собеседником, который, как и все люди, сталкивается с непродуманностью убеждений, противоречиями в системе ценностей, сложностями самоосмысления оснований. Соответственно, основная

выполнять *ту же* функцию, что и (психо)терапия. Где-то рядом с психотерапевтами могут находиться философы-терапевты. У них несколько другие задачи и методы, но и они *воспроизводимы* и *применимы* для терапии (потому и возможна институционализация). Ахенбах, соглашаясь с Б. Расселом, пишет: «Философия — это возможность [...] жить с неопределенностью [...] которой на самом деле нет, которая не более чем обман, идущий также от инертности сердца» (Ахенбах, Борисов, 2016: 105). Нам предлагают принять неопределенность. Не существует пригодного на все случаи «правильного метода» — «рецептурное мышление» на уровне индивидуальной консультации исключено. Необходимо ориентироваться на уникальную ситуацию коммуникативного взаимодействия, в которой что-то может произойти *впервые*. Или не произойти. Но на институциональном уровне введение правил осуществления философского консультирования, проведение границ и установление различий необходимо. «Рецептурное мышление», таким образом, не исключается полностью, оно лишь ограничивается. Фигура самого консультанта, выступающего от имени сообщества философов-консультантов, ограниченного правилами институционализированной формы, все же остается заметной: не дай бог нарушишь границы, окажешься в запретной зоне, освоенной другой институцией. Амехания не оставляет и такой возможности. Институциональные формы не отрицаются, они подчиняются другому принципу. Будем исходить из допущения: философствование *может* помочь, но нет алгоритма, позволяющего найти оптимальное положение для пересечения линии, сепарации или возможности встретить Друга. Философствование как философская практика опирается на амеханию, оставление своего места (в том числе места, заданного успешно практикуемым способом)⁵. Сепарация, открывающая возможность что-то увидеть, может случиться, а может — нет. И цена тому — «оставление себя» вместе со всеми своими представлениями, не в том смысле, что все это основательно забывается, но лишь оказывается в фокусе внимания: как будто после «пересечения линии» появляется другая «точка отчета», обнаруживается дополнительная пара глаз, позволяющая увидеть то, что не замечал ранее. Иногда видение равнозначно

целевая аудитория философского консультирования — люди с развитым самосознанием, склонные к рефлексии собственных образа мысли и образа жизни.

⁵Бибихин следовал здесь за Хайдеггером, убежденным в том, что пересечение линии определяется не волей субъекта, но укоренено в бытии как событии, неподвластном человеку (Михайловский, 2026: 94).

помощи, о которой и думать забыл. Терапевтические эффекты философствования, если таковые случаются, имеют форму дара, как и само философствование, и не вытекают из необходимости что-то *сделать* с человеком, находящимся рядом (раз уж он пришел на консультирование). Но значение *может* иметь философский разговор, обладающий собственной ценностью. Значение разговора состоит в поддержании рефлексивного отношения к происходящему, стремлении открыть окно и держать его распахнутым, обеспечивая приток свежего воздуха. Но даже эта цель в какой-то момент должна быть оставлена как не имеющая ситуативного значения.

ЛИТЕРАТУРА

- Адо П.* Что такое античная философия? / пер. с фр. В. П. Гайдамаки. — М. : Издательство гуманитарной литературы, 1999.
- Ахенбах Г. Б.* Основное правило философской практики / пер. с нем. С. В. Борисова // Социум и власть. — 2016. — Т. 62, № 6. — С. 99–106.
- Беньямин В.* Улица с односторонним движением // Улица с односторонним движением. Берлинское детство на рубеже веков / пер. с нем. И. Болдырева, Г. Снежинской. — М. : Ad Marginem, 2021. — С. 11–90.
- Бибихин В. В.* Другое начало // Другое начало. — СПб. : Наука, 2003. — С. 332–347. — (Слово о сущем ; 47).
- Бибихин В. В.* Чтение философии. — СПб. : Наука, 2009. — (Слово о сущем ; 83).
- Бибихин В. В.* Отдельные записи 1965–1989 годов. — СПб. : Владимир Даль, 2022.
- Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа мысли : пер. с нем. // Экзистенциальный анализ / Л. Бинсвангер, Р. Кун ; под ред. С. Римского. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2017. — С. 3–29.
- Гумбрехт Х. У.* Производство присутствия : чего не может передать значение / пер. с англ. С. Зенкина. — 2-е изд. — М. : Новое литературное обозрение, 2024.
- Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. М. Левиной // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994а. — С. 137–376.
- Кант И.* Заметки в книге «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» / пер. с нем. Б. А. Фохта // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 2 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994б. — С. 353–392.
- Кант И.* Критика способности суждения / пер. с нем. Н. О. Лосского // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5 / под ред. А. В. Гулыги. — М. : Чоро, 1994с. — С. 5–385.
- Михайловский А.* Боль, ничто и проблески надежды : «Через линию» Эрнста Юнгера спустя 75 лет // Через линию / Э. Юнгер ; пер. с нем. А. Михайловского. — М. : Ad Marginem, 2026. — С. 69–108.

- Нидлман Д. Критическое введение в экзистенциальный анализ Людвиг Бинсвангера // Бытие-в-мире. Избранные статьи / Л. Бинсвангер ; пер. с англ. Е. Суршиной. — М., СПб. : КСП+, Ювента, 1999. — С. 17–132.
- Пятигорский А. М. Философия одного переуллка. — М. : Прогресс, 1992.
- Федье Ф. Голос друга / пер. с фр. О. А. Седаковой. — СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2010.
- Франкфурт Г. К вопросу о брехне / под ред. Г. Павловского, И. Чечель ; пер. с англ. М. Ослона. — М. : Европа, 2008.
- Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб. : Владимир Даль, 2009.
- Шелер М. О сущности философии и моральном условии философского познания // О сущности философии. Работы разных лет / пер. с нем. А. Н. Малинкина. — СПб., М. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. — С. 75–117.
- Юнгер Э. Через линию / пер. с нем. А. Михайловского. — М. : Ad Marginem, 2026.

Melikhov, G. V. 2026. "Miroproyekt i efekty prisut-stviya v filosofskoy praktike [The World-Project and the Effects of Presence in Philosophical Practice]: L. Binswanger, Kh. U. Gumbrecht i V. V. Bibikhin [L. Binswanger, H. U. Gumbrecht and V. V. Bibikhin]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (2), 283–303.

GERMAN MELIKHOV
DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY
PROFESSOR

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY (KAZAN, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4471-4841

THE WORLD-PROJECT AND THE EFFECTS OF PRESENCE IN PHILOSOPHICAL PRACTICE

L. BINSWANGER, H. U. GUMBRECHT AND V. V. BIBIKHIN

Abstract: This essay develops the concepts of L. Binswanger and analyses the concept of "world-project" as an individual existential a priori structure that shapes the horizon of possibilities for the subject. The author posits that the basis of a world-project is a "position," a unity of enduring patterns of behavior, roles, and beliefs that shape the perception of the world. The author introduces the term of "separation" which refers to the sudden expansion of possibilities available to an individual. This phenomenon is explained through an "excess" that was not previously foreseen within the original structure of the world-project. The act of philosophizing is conceived as a process that initiates such a separation, leading to the emergence of "presence," a borderline state in which the conventional world-project loses its necessity, thereby creating space for a different perspective and a new subject of philosophizing. The essay is founded upon a series of philosophical concepts proposed by H. U. Gumbrecht (effects of presence) and V. V. Bibikhin (optimal position, amekhanian); five effects of presence are distinguished: a sense of participation; optimal position (a balance between comfort and

efficiency, associated with friendship and the unity of opposites); elevation (moral elevation and trust in the heart); the phenomenon of a thought-fact (an unexpected, specific thought that intrudes and transforms perception); and the primacy of the philosophizing individual over philosophical teaching, emphasizing the importance of direct experience and the experience of philosophizing. The author argues that philosophizing should be conceptualized not as a process of producing theories, but rather as a practice capable of transforming a person's subjective position and expanding the boundaries of one's own world. This transformation becomes possible in the borderline situation of encountering the Other.

Keywords: Position, World-Project, Separation, Presence, Effects of Presence, Binswanger, Gumbrecht, Bibikhin.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-283-303.

REFERENCES

- Achenbach, G. B. 2016. "Osnovnoye pravilo filosofskoy praktiki [Die Grundregel Philosophischer Praxis]" [in Russian], trans. from the German by S. V. Borisov. *Sotsium i vlast' [Society and Power]* 62 (6): 99–106.
- Benjamin, W. 2021. *Ulitsa s odnostoronnim dvizheniyem [Einbahnstraße]* [in Russian]. In *Ulitsa s odnostoronnim dvizheniyem. Berlinskoye detstvo na rubezhe vekov [Einbahnstraße. Berliner Kindheit um neunzehnhundert]*, trans. from the German by I. Boldyrev and G. Snezhinskaya, 11–90. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Bibikhin, V. V. 2003. "Drugoye nachalo [Another Beginning]" [in Russian]. In *Drugoye nachalo [Another Beginning]*, 332–347. Slovo o sushchem 47. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2022. *Otdel'nyye zapisi 1965–1989 godov [Notes 1965–1989]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2009. *Chteniyе filosofii [Reading of Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 83. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Binswanger, L. 2017. "Ekzistentsial'no-analiticheskaya shkola mysli [Über die daseinsanalytische Forschungsrichtung in der Psychiatrie]" [in Russian]. In *Ekzistentsial'nyy analiz [Existential Analysis]*, by L. Binswanger and R. Kuhn, ed. by S. Rimskiy, 3–29. Moskva [Moscow]: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy [Institute of General Humanitarian Studies Publishing].
- Fédier, F. 2010. *Golos druga [Voix de l'ami]* [in Russian]. Trans. from the French by O. A. Sedakova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izdatel'stvo Ivana Limbakha [Ivan Limbach Publishing House].
- Frankfurt, G. 2008. *K voprosu o brekhne [On Bullshit]* [in Russian]. Ed. by G. Pavlovskiy and I. Chechel'. Trans. from the English by M. Oslon. Moskva [Moscow]: Yevropa.
- Gumbrecht, H. U. 2024. *Proizvodstvo prisutstviya [Production of Presence]: chego ne mozhet peredat' znacheniyе [What Meaning Cannot Convey]* [in Russian]. 2nd ed. Trans. from the English by S. Zenkin. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Hadot, P. 1999. *Chto takoye antichnaya filosofiya? [Qu'est-ce que la philosophie antique?]* [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Gaydamaka. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
- Heidegger, M. 2009. *Parmenid [Parmenides]* [in Russian]. Trans. from the German by A. P. Shurbelev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Jünger, E. 2026. *Cherez liniyu [Über die Linie]* [in Russian]. Trans. from the German by A. Mikhaylovskiy. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.

- Kant, I. 1994a. *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropologie in pragmatischer Hinsicht]* [in Russian]. In vol. 7 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by M. Levina, 137–376. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1994b. *Kritika sposobnosti suzhdeniya [Kritik der Urteilskraft]* [in Russian]. In vol. 5 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by N. O. Losskiy, 5–385. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- . 1994c. “Zametki v knige ‘Nablyudeniya nad chuvstvom prekrasnogo i vozvyshennogo’ [Bemerkungen in den ‘Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen’]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by A. V. Gulyga, trans. from the German by B. A. Fokht, 353–392. 8 vols. Moskva [Moscow]: Choro.
- Mikhaylovskiy, A. 2026. “Bol’, nichego i probleski nadezhdy [Pain, Nothingness, and Glimmers of Hope]: ‘Cherez liniyu’ Ernsta Yungera spustya 75 let [Ernst Jünger’s ‘Über die Linie’ 75 Years Later]” [in Russian]. In *Cherez liniyu [Über die Linie]*, by E. Jünger, trans. from the German by A. Mikhaylovskiy, 69–108. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Needleman, J. 1999. “Kriticheskoye vvedeniye v ekzistentsial’nyy analiz Lyudviga Binsvanger [Critical Introduction to Ludwig Binswanger’s Existential Psychoanalysis]” [in Russian]. In *Bytiye-v-mire. Izbrannyye stat’i [Being-in-the-World. Selected Articles]*, by L. Binswanger, trans. from the English by Ye. Surpina, 17–132. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: KSP+ / Yuventa.
- Pyatigorskiy, A. M. 1992. *Filosofiya odnogo pereulka [The Philosophy of One Alley]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Progress.
- Scheler, M. 2020. “O sushchnosti filosofii i moral’nom uslovii filosofskogo poznaniya [Vom Wesen der Philosophie und der moralischen Bedingung des philosophischen Erkennens]” [in Russian]. In *O sushchnosti filosofii. Raboty raznykh let [On the Essence of Philosophy. Works of Different Years]*, trans. from the German by A. N. Malinkin, 75–117. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.